

Введение

Исайя Берлин (1909-1997 гг) – выдающийся британский политический философ и теоретик XX в Организатор и первый ректор Wolfson College в Оксфорде (1966-1975 гг), Президент Британской Академии (1974-1978 гг), руководитель знаменитого All Souls College в Оксфорде Десять лет (1957-1967 гг) был профессором социальной и политической теории в Оксфорде Автор около 160 книг, статей, очерков Кроме истории идей и политической философии занимался музыкальной критикой Во время второй мировой войны работал в посольстве Британии в США Посетил также Советский Союз после войны

Беглое знакомство со списком публикаций И Берлина позволяет заключить главный предмет его научных интересов - история идей (или интеллектуальная история) и политическая философия Его книги – это сборники ранее опубликованных статей и лекций *Карл Маркс: его жизнь и развитие* (1939), *Политические идеи XX века* (1950), *Историческая необходимость* (1954), *Четыре статьи о свободе* (1969), *Век просвещения* (1956), *Вико и Гердер* (1976), *Русские мыслители* (1970), *Против течения* (1979) Главный текст, в котором изложено кредо Берлина как политического философа и теоретика - *Историческая необходимость* Все эти работы переведены на множество языков и многократно переиздавались

Теперь и в России изданы работы И Берлина¹ Наступает время всестороннего освоения и включения его творчества в отечественную политическую, правовую, социальную и методологическую мысль В этой связи выскажу несколько общих предварительных замечаний

1. Полемика с традицией

Способ работы Берлина – постоянный диалог с традицией Его теоретические, моральные и политические суждения о конкретных мыслителях оригинальны Он *переоценивает* (гегельянство и марксизм при обсуждении проблемы исторической необходимости), *переформулирует* (при обсуждении проблемы свободы у Д С Милля) и *опровергает* усто-

являющиеся мнения (квалификация Н Макиавелли как основателя политической науки и приписывание ему идеи о противоположности между этикой и политикой)

Все творчество Берлина пронизано исторической проблематикой История идей – это зеркало, без которого современный человек не может увидеть свое лицо Связь философии и интеллектуальной истории обоюдная Философ не может обойтись без истории идей Этой специальностью невозможно заниматься наряду с другими сферами знания, независимо от философии Ни один историк идей не может быть философски незаинтересованным Но редко встречаются представители этой дисциплины, которые, подобно Берлину, ясно осознают философские послышки и следствия собственной работы

Среди профессиональных историков распространена иллюзия чистого описания, согласно которой движение мысли можно изобразить как шахматную игру И Берлин свободен от этой иллюзии На почве истории идей любое описание есть *интерпретация* - сознательный или бессознательный философский выбор На этом пути Берлин отвергает искушение заковать историю мысли в гегелевские, марксовы и любые другие *законы* Он исходит из « понятия голых фактов, которые не являются ничем иным, кроме фактов Эти факты настолько жестки, что их нельзя обойти Они не замутнены никакими интерпретациями и не подчиняются сконструированным образцам»²

Философичность интеллектуальной истории не сводится к методологическому самосознанию, которое нередко больше свидетельствует об эрудиции, нежели оригинальности автора История идей в исполнении И Берлина – элемент философской концепции Благодаря ей все его творчество образует (несмотря на тематический разброс) одно завершенное и систематическое целое Эта теоретическая глыба не подчиняется упрощенным доктринам Не исключено, что в конкурсе на объективность Берлин занял бы одно из первых мест Но как историка его интересуют главным образом **проблемы**, а не личности, концепции, эпохи и страны Поэтому его творчество нельзя определить путем указания на предмет, в котором

он выступает как *специалист*

Конечно, у Берлина есть любимые темы (например, мысль Вико), эпохи, страны и писатели. Но его выбор оправдан не специализацией, а реализацией главной цели – строгая формулировка **вневременных** политико-философских проблем. Берлин не заполняет *пробелы* в специальной литературе, а **обнажает** предельно острые вопросы. Они содержатся в наследстве европейской мысли, не имеют абсолютного ответа и актуальны до сих пор.

История идей в исполнении Берлина – продукт его общей философии, которая предшествует и объясняет конкретные исторические исследования. Я не буду входить в тонкости отношения молодого Берлина к аналитической школе британской философии XX в. Попытаюсь кратко охарактеризовать позицию Берлина на основе его зрелых работ «Существует ли еще политическая теория?» (1961) и «Цель философии» (1962). Обе помещены во втором томе «Избранных сочинений» под названием «Понятия и категории» (1970, 1980) и еще не переведены на русский язык.

И Берлин предлагает следующую канву рассуждения. Люди обычно имеют дело с двумя типами вопросов. Первый характерен для здравого рассудка и науки. Хотя на эти вопросы не всегда известен ответ, зато известно, где его искать. Понятны процедуры поиска. Ясно, к кому обращаться за ответом. Какие энциклопедии и прочие компендиумы следует снять с полки. Такие вопросы решаются эмпирически и логически. Они пробуждают познавательный интерес. А поиск ответа есть вопрос таланта, знания и времени. Однажды найденный истинный ответ не вызывает противодействия других людей, которым доступна безошибочная информация и надлежащие методы.

Второй тип вопросов ввергает людей в состояние беспокойства. Нет установленного способа их решения. Отсутствуют общепризнанные авторитетные эксперты. Есть множество ответов, но ни один не опирается на решающее доказательство. Выбор ответа в конечном счете не является ни проблемой фактов, ни проблемой большей или меньшей достоверности рассуждений. Поэтому сами вопросы пытаются пре-

образовать в эмпирически и формально разрешимые. Но это – напрасный труд. Правда, развитие естествознания снимает налет философичности с отдельных проблем. Но невозможно преобразовать все философские вопросы в научные проблемы, и нельзя *отменить* философские вопросы. По мере развития науки их число не уменьшается. Значит, они принадлежат к постоянным атрибутам человеческого бытия. К числу таких атрибутов относятся неопределенность, риск и необходимость принятия решений без гарантий истинности и успеха.

При такой трактовке возникает обширный класс вопросов, выходящий за рамки профессиональной философии. «Речь идет о множестве самых разных вопросов. Некоторые относятся к фактам, другие – к ценностям. Одни относятся к словам и символам, другие – к методам использования слов учеными, художниками, критиками и обычными людьми в повседневной жизни. Еще одни относятся к связям разных сфер знания. Некоторые относятся к мышлению. Некоторые – к характеру и целям морального, социального и политического действия»³

Берлин считает философскими все *абсолютно неразрешимые* вопросы понимания, сравнения и оценки фактов, включая ответ на вопрос: что делать? В этом смысле нет различия между гегельянством, либерализмом, национализмом, картезианством, романтизмом, коммунизмом, эмпиризмом, протестантизмом, иудаизмом и т.д. Это – философские или религиозные доктрины одинаковой степени важности. Все они свидетельствуют о неопределенности философских знаний. То же самое относится к традиционализму и обыденному мышлению. При исследовании философских вопросов надо сосредоточиться на доктринах, в которых они наиболее четко артикулированы. Правда, выдающиеся мыслители и профессиональные философы редко создают доктрины.

Противопоставляя указанные виды вопросов, Берлин ссылается на кантово различие фактов и категорий, посредством которых субъект упорядочивает, воспринимает, осознает и осмысливает данные наблюдения.

В сферу философии входят категории, модели, понятийные структуры, парадигмы. Это *очки*, благодаря которым люди организуют и управляют миром собственного опыта и практики. Не существует абсолютно зрячих философов и политиков. Все они в большей или меньшей мере *слепые вожди слепых*.

Но Берлин отошел от Канта в ряде существенных пунктов.

1. Категории Берлина являются категориями **исторического**, а не чистого разума. Наряду с категорией *человеческого рода* он использует *краткодействующие категории*, которые ограничиваются определенными эпохами и культурами. Они используются для описания феноменов преемственности и сохранения. Причем, традиция в этой сфере более значима по сравнению с вечными потребностями человеческой природы и свойствами разума.

2. Даже в рамках одной эпохи и культуры некоторые категории не являются свойствами всех мыслящих людей. Некоторые из них применяются только для анализа **политики**. Но Берлина больше интересуют те, которые можно обнаружить во всех сферах мышления и действия.

3. Эти категории относятся прежде всего к **практическому**, а не теоретическому разуму. Если философия не изучает проблемы действия и ответственности, она является извращенной и аморальной.

4. Анализируемые Берлиным модели, парадигмы, события мысли и действия всегда существуют во **множественном** числе и по определению **противоречат** друг другу. Если воспользоваться примером из философии Канта, то Берлина интересует не столько категория времени как форма человеческого восприятия, сколько множество концепций (пониманий) времени, которые невозможно согласовать друг с другом. При анализе истории европейской мысли Берлин оперирует оппозициями *целесообразность – причинность, организмы – амальгама, система – связь, пространственно-временной порядок – вневременное бытие, долг – желание, ценность – факт* и т.д.⁴

5. Историчность категорий не означает их полную про-

изводность от влияния опыта. Во всяком случае, Берлин требует постоянного обнаружения их **неадекватности**, которая способствует забвению, отбрасыванию и изменению одной или множества категорий.

Иначе говоря, пункты расхождения с Кантом фиксируют существенные свойства концепции Берлина. Категории Берлина не обладают такой же мерой необходимости, универсальности и постоянства, как категория *Разума*. Поэтому философия невозможна без истории идей. Только интеллектуальная история может показать реальное постоянство и изменчивость человеческого мышления. Благодаря истории идей мы осознаем наше сходство и отличие от людей других культур и эпох. История идей – это антропология, которая описывает способы мысли и действия людей разных эпох и культур. И тем самым позволяет реализовать древнюю максиму *Познай самого себя*. В этом смысле она является наиболее глубоким философским предприятием.

Автор предисловия к сборнику И. Берлина «Против течения» пишет: «Благодаря своим успехам история идей в состоянии сделать для культуры то, что психоанализ пытался сделать для индивида – проанализировать и обнажить происхождение и природу мотиваций и скрытых истоков поведения. Но психоанализу пришлось отказаться от этой затеи. Зато история идей помогает понять обычно скрытые в человеческих глубинах творческие идеи, понятия и категории. Некоторые из них оказались более преходящими и податливыми на исторические изменения, нежели это казалось накануне второй половины ХУШ века. С их помощью мы упорядочиваем и интерпретируем значительную часть нашего опыта в специфически человеческих сферах моральной, эстетической и политической деятельности. Таким образом, история идей одновременно расширяет человеческое самосознание и ощущение сферы творческой свободы»⁵.

думаю, это сравнение удачно определяет направление поиска Берлина, хотя его творчество не имеет никакого отношения к психоанализу. Значение истории идей для философской рефлексии состоит в том, что этот корпус знаний о человеке не может быть заменен никаким другим. История

идей описывает человека мыслящего. Он является свободным и моральным, осуществляет выбор, действует и отвечает за свои действия. Именно этот человек потерян из виду так называемыми *гуманитарными науками*. Речь идет о всем корпусе социогуманитарного знания - психологии, социологии, праве, политических науках, научной историографии. Все они вдохновляются примером естествознания. Поэтому Берлин пишет о них пренебрежительно, хотя не отказывает в объяснении различных второстепенных предметов. В любом случае нельзя смешивать исследование эмпирических свойств людей с понятийным анализом человека.

«Наиболее длительное и тщательное эмпирическое наблюдение, - пишет И. Берлин, - и самые смелые и продуктивные гипотезы не объясняют нам, что же такое знают люди, которые рассматривают государство как божественный институт, что значат эти слова и как они относятся к действительности. Они не в состоянии объяснить нам веру и убеждения тех людей, которые говорят: государство ниспослано на землю как наказание за грехи человека, государство есть школа, которую нужно пройти для того, чтобы взрослые и свободные люди могли обойтись без государства, что оно есть произведение искусства, полезное орудие, воплощение естественного права, комитет господствующего класса, высшая стадия саморазвития человеческого духа и наглядный пример убийственного сумасбродства. Писатели отличаются от логиков силой воображения. Пока мы не поймем, какие представления о человеческой природе воплощались (или отсутствовали) в таких политических представлениях и какая модель доминировала в каждом случае, до тех пор мы не поймем ни наше, ни любое другое человеческое общество. Банально утверждение, что понимание человеческой мысли и деятельности является в значительной степени пониманием проблем и дилемм, которые люди пытаются решить. Когда эти проблемы представлены с помощью древних, общепринятых и постоянных моделей действительности, которыми мы пользуемся до сих пор, то мы их понимаем без особого труда. Мы понимаем также связанные с ними трудности и разные решения данных проблем, не опираясь при

этом на господствующие категории. Хотя эти категории связывают нас с отдаленными культурами, они не бросаются в глаза и остаются за пределами видимости. В других случаях - и это особенно справедливо по отношению к политике - модели не настолько долговечны. Так что некоторые понятия, входящие в состав модели, уже неизвестны. Но до настоящего момента мы не обладаем знанием и воображением, позволяющими проникать в состояния духа, которые доминируют или рушатся в настоящее время. И тем более ничего не можем сказать о центрах мысли и действия данных состояний»⁶

С этой точки зрения эмпирические науки о человеческом поведении бесплодны. История идей – это понимающая дисциплина, которая ведет к цели путем учета *гуманистического коэффициента* (как сказал бы Ф. Знанецкий)

Ни один историк не может охватить историю идей в целом. И Берлин обладал громадной и всесторонней эрудицией. Например, он знал историю русской мысли намного лучше, нежели прошлые и нынешние профессиональные русисты, советологи, постсоветологи и россияеведы. В то же время он ограничивал сферу собственных исследований *хронологически* (XVIII, XIX, XX вв.), *топологически* (страны Европы - Италия, Франция, Германия, Англия, Россия) и *тематически* – изучение особой категории мыслителей, которые шли *против течения*. Берлина интересуют фигуры, не вписывающиеся в общепринятые схемы. Они существуют *на полях* своих эпох. Особая важность таких мыслителей определяется их маргинальностью и исключительностью.

Это - философские неконформисты и диссиденты. Наиболее охотно Берлин пишет о Вико, Гердере, Гамане, Гессе, Марксе, Сореле, Герцене, Толстом. А при описании менее неконформистских мыслителей (Юм, Монтескье, Д.С. Милль) он подчеркивает моменты их отличия от современников, а не сходства с господствующей парадигмой. Указанные мыслители не являются *положительными героями* интеллектуальной истории Европы. Они важны в первую очередь потому, что их творчество позволяет артикулировать проблемы и дилеммы, с которыми до сих пор сражается европейская мысль.

Иллюстрацией сказанного может быть отношение Берлина ко всем *противникам Просвещения*. Этот феномен истории идей достоин пристального внимания как раз потому, что не вписывается в доминирующую европейскую традицию. Противники Просвещения шли *против течения*. По мнению Берлина, в европейской мысли со времени Платона укрепилась парадигма (включая эпоху Просвещения и последующего сциентизма), которая существенно ограничила сферу философских вопросов и тем самым нанесла (и до сих пор наносит) огромный вред человеческому самосознанию.

Указанная парадигма базируется « на трех китах: а) на каждый осмысленный вопрос существует один-единственный правильный ответ, а все остальные ложны по определению. Если же дело обстоит иначе, то вопрос не является действительным, а сводится к недоразумению, б) метод правильного решения всех осмысленных вопросов рационален и по сути одинаков во всех сферах и в особых применениях, в) уже открытые или еще неизвестные решения отличаются всеобщей, вечной и неизменной истинностью для всех времен, мест и пространств»⁷. Из этих принципов вытекают определенные выводы относительно социального устройства и организации человеческой жизни на земле.

Замечу попутно, что фиксация данной *парадигмы* не является открытием. В XIX-XX вв. о ней много писали критики рационализма и сциентизма. Оригинальность Берлина в другом.

1 Он придал своему описанию указанной *парадигмы* обобщенную форму и распространил ее одновременно на науку, религию, теологию, идеализм, реализм, рационализм, эмпиризм и все оппозиционные идейные течения первого и второго эшелонов европейской мысли.

2 Он не выступает как критик рационализма, солидарный с его многочисленными противниками. Монизм – главный предмет критики Берлина. Он противопоставляет монизму плюрализм – положительную оценку человеческого разнообразия. В принципе не существует никакого абстрактного идеала науки, политики, искусства и морали, в соответствии с которым можно оценивать все противоречащие ему идеалы.

Берлин отвергает схоластическую и сциентистскую максиму *Истина одна, ошибок много*. И детально описывает поворотное значение творчества Вико и Гердера. Вико разграничил гуманистику и естествознание. Гердер открыл популизм, экспрессионизм, плюрализм. Провозгласил постулат укоренения истины в определенном человеческом сообществе, а не во всеобщем разуме. Признал человеческие деяния выражением конкретно-исторических личностей и средствами взаимопонимания людей. А также приписал каждой культуре самостоятельную ценность, несопоставимую с ценностью других культур.

Однако отсюда не вытекает правота указанных мыслителей. Берлин просто признает их заслуги в постановке важных проблем человеческого существования. С точки зрения господствующей *парадигмы* европейской мысли немецкий национализм не был только *ошибкой*. После прочтения и обдумывания лекций Гердера можно понять и решительно отвергнуть любой национализм. Понять – значит посмотреть на мир через националистические *очки* в их первом культурно-историческом исполнении. Они неплохо показывают потребности, которые стремится удовлетворить национализм. Изучая историю идей, Берлин просматривает набор выставляемых на продажу идеологических линз-моделей – в отличие от историков, которым известна только одна *истина* и множество предассудков и ошибок.

Это не значит, что Берлин был поздним наследником немецкого историзма и неразрывно связанного с ним релятивизма. Например, его концепцию *категорий, моделей и парадигм* нетрудно истолковать как разновидность Мангеймовских *стилей мышления*. Тем более, что он изучает то же историческое явление – так называемую *реакцию на Просвещение*. Концепция Берлина корреспондирует также с понятием *мировоззрения*, популярным со времен Дильтея. Действительно, каждый сторонник плюрализма, который высказывается против идеала одной-единственной истины, осужден на подозрение в релятивизме, органически присущем историзму. Чтобы убедиться в ложности такого подозрения, достаточно прочесть статью Берлина *Об исторической необходимости*. Его

беспощадная и умнейшая критика этой доктрины поставила Берлина раз и навсегда вне любых инвектив в релятивизме. Хотя в философии Берлина нет места и для любых абсолютов. Его главная ценность - разнородность и множество человеческих стремлений. Идеал Берлина - не единство, а « компромиссы, благодаря которым люди могут жить и удовлетворять свои желания, не подавляя одновременно желаний и потребностей других людей»⁸

Однако как исследователь идей Берлин не отличается милосердием. Из его текстов невозможно вывести принцип *Живи и давай жить другим*. Ссылка на социально-исторический и всякий иной *контекст* ничего не значит. Все понять - не значит все простить. Признавая нередко правоту критиков Просвещения, он одновременно является его страстным сторонником. В *Исторической необходимости* он пишет: «Мы можем вполне определенно сказать, что согласие с доктриной исторической необходимости означает насилие над нашей моралью, деформацию смысла нашего прошлого и игнорирование некоторых наиболее общих понятий и категорий нормативной мысли. Исследователи человеческих дел обязаны пользоваться понятиями и категориями, которые воплощает и выражает обычный язык»⁹. В предисловии к *Четырем эссе о свободе* он говорит об ошибках, которые вытекают из « непонимания определенных основных потребностей и человеческих целей - основных с точки зрения нашего нормального представления о том, каким должен быть человек как существо, обладающее ядром потребностей и целей, присущих всем людям. Это существо может руководствоваться изменчивыми нормами, но в любом случае такими, границы которых определяются главной потребностью взаимопонимания себе подобных существ. Понятие такого ядра и границ - часть нашей концепции основных атрибутов и функций, в терминах которых мы мыслим о людях и обществах»¹⁰

Хотя эти формулировки не совсем ясны, они все же достаточно точны для выдвижения **рабочей гипотезы**: главное намерение Берлина - согласование историзма с определенным представлением о *человеческой природе* как универсальной и

специфической норме

Приведу еще одну цитату, поскольку она проясняет поставленную проблему «Основные категории (вместе с соответствующими понятиями), с помощью которых мы определяем человека – представления об обществе, свободе, времени, изменении, страдании, счастье, производительности, добре и зле, истине и лжи, выборе, силе, правде, иллюзии – не есть вопрос индукции и дедукции. Размышляя о человеке, мы приводим в движение все указанные представления. Так что было бы недоразумением высказывание некто есть человек, но свобода выбора и истина для него не представляют ценности. Такое высказывание противоречило бы нашему пониманию «человека» не в результате согласия с той или иной дефиницией (их можно менять произвольно), а потому, что мы мыслим именно так и не можем мыслить иначе – таков «голый» факт. Если мне попадается человек, для которого нет разницы – подбить ботинком камешек на дороге или убить свою семью, поскольку одно и другое лишь способ борьбы с бездействием и скукой, – то я не склонен по образцу последовательных релятивистов приписать ему просто другой моральный кодекс по сравнению с моим, и кодексом большинства людей, а также признать, что отличаюсь от него взглядами на фундаментальные вопросы. Я буду квалифицировать такой случай как сумасшествие и отсутствие человечности»¹¹

Проблема согласования историзма с определенным концептом *человеческой природы* в творчестве Берлина требует особого анализа. Например, он одобрительно пишет о концепции *человеческой природы* Вико. Но из факта одобрения не вытекает возврат к концепции *естественного права*, хотя гипотезу о такой интенции можно высказать. Ведь только история идей есть «единственный путь к достижению какой-либо степени понимания самого себя. Речь идет о систематическом прослеживании наших шагов с точки зрения истории, психологии и антропологии»¹²

Для проверки данной гипотезы рассмотрим статью *Оригинальность Макиавелли* из сборника *Против течения*